

НАРОДНЫЕ РОМАНСЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Элеонора Тихоновна БОНДАРЕВА,
журналист

В 1970-е годы я работала над диссертацией под названием «Социальное становление партизанской песни на Дальнем Востоке в годы гражданской войны». Материалом для исследования были военные песни 20-х годов и славянский переселенческий песенный фольклор, а также старинный городской романс. Живым полем стал юг Приморья, мои запасы текстов и мелодий в придачу к семейному арсеналу множились в ежегодных экспедициях. В то время было принято негативное отношение к старинному городскому романсу (он

Исполнители и знатоки русского и украинского фольклора середины—конца XIX — начала XX в., в том числе городского народного романса:

- 1 — Нина Иосифовна Жукова,
- 2 — Клавдия Иосифовна Скорбач,
- 3 — Степан Федорович Скорбач.

Переселились в г. Сучан (Партизанск) Приморского края из Белгородской области в 1941 г.

же «слезливый», «жестокий» и «мещанский»). Репертуар моих информаторов, у которых «слезливый» был широко представлен, пренебрежительно именовался «засоренным». На одном из завершающих этапов работы я заметила, что количество «мелкобуржуазных» текстов в моем многозначном собрании решительно перевешивает тексты рабоче-крестьянского происхождения. Убоявшись идеологической неполноценности собственных пристраений, я не посмела изменить тему диссертации, и почти готовый к защите труд благополучно почил в долгом ящике.

Сейчас городской романс начала прошлого века вновь «на коне». Речь может идти только «об остатках прежней роскоши»: носители тогдашней «мещанской» культуры, если и живы, то глубоко в годах, мелодии забыты, а если и вспомнены, то чаще всего неузнаваемо искажены. Между тем социальное развитие городского романса в России происходило в условиях, весьма похожих на нынешние; правда, тогдашний капитализм был не столь криминален, как теперешний постсоциализм, но нынче к культурной жизни, как и тогда, приобщились массы людей, возжелавших так или иначе заявить миру о своей горя-

чей страсти к кучеру где-нибудь на кухне, в то время как наша современная дива кричит, танцуя, о своих сексуальных проблемах с эстрады. Оставим, однако, публицистические отклонения и обратимся к предмету нашего разговора.

Фольклорный «жестокий» романс возник на базе композиторско-литературного романса, это были тексты-переделки на мелодии, как бы спущенные «сверху». Кое-что искажалось по методу игры в испорченный телефон, что-то сознательно сочинялось заново на ходовой мотив.

Пример чрезвычайно «слезливого» — «Розова роза» на мотив знаменитой в свое время песни в исполнении Вертинского «Фея», знакомой нам по тексту Горького с зачином «В лесу над рекой жила Фея».

Розова роза — знакомство,
Красная роза — любовь,
Желтая роза — разлука,
Бела — омыта слезой.

Розову розу ласкаю,
Красную розу люблю,
Желтую розу срываю (бросаю),
Белую к сердцу прижму.

Родные меня все любили,
Мальчишки гонялись за мной,
Шестнадцать мне лет миновало —
И что же случилось со мной!

Бывало, я летней порою
Выйду в наш сад погулять,
Ночка еще не настала,
Буду я милого ждать.

Жду я его — не дождуся,
В сердце сомненье тая,
Наверно, он любит другую,
Ох, какая несчастная я!

Слышу — шаги раздаются,
Наверно, мой милый идет!
Быстро к нему я помчуся
И расцелую его ...

Раз показалась коляска.
Проворно сбегаю с крыльца,
И вижу: мой милый с другою,
Другую ведет с-под венца!

Годы пройдут за годами,
Морщины покроют лицо,
И снова зальюсь я слезами,
Но не увижу его ...

Можно завершить текст двумя куплетами о розах. Можно не завершать. Куда ни кинь, перед нами как бы самый мелодраматический телевизионный сериал, над которым нынче принято в сладкой истоме всхлипывать.

Есть в народном обиходе романсовые тексты, более совершенные в поэтическом отношении, есть менее, но всякий «слезливый» романс создается по определенной схеме, в центре которой располагается «изменник коварный». В печальном итоге — «наутро приплыли два трупа и лодку прибило к скалам; в такую шальную погоду нельзя доверяться волнам». Прочитированный романс «Окрасился месяц багрянцем» все мы слышали в превосходном исполнении Лидии Руслановой, он скорее «жестокий», чем «слезливый», но сочетания того и другого встречаются сплошь и рядом.

Жестокий романс (раскавычим определение) преимущественно женский. Мужские варианты обычно исполнялись от лица сентиментальных узников, имевших к подлинным представителям социального дна отношение весьма отдаленное.

— Как я вас любил
И счастлив был,
Любить перестал —
Разнесчастным стал.

Разнесчастным стал,
В тюрьму жить попал.
Тюрьма темная,
Незнакомая.

Я в тюрьме сижу
И в окно гляжу:
Чи не идет моя (текст встречается только с украинизмом)
Любовь прежняя?

Мелодии, на которые поются под гитару эти литературно неряшливые слащавые тексты, безусловно, авторские и по сей день поражают совершенством. Исполнитель при струнном инструменте с бантом то и дело для нужд своего неуклюжего текста соединяет один популярный напев с другим. В городском романсе про любовь Коломбины к Арлекину, например, наши информаторы, переселенцы из Харьковской области, используют два варианта напева известных «Бубенцов». О бойкой жизни артистки поется в мажорном тоне, а о страданиях героини на лирическом фронте («Арлекин ведь любить не умеет, Арлекин не умеет любить, Коломбина тоскует-болеет, она хочет любовь свою скрыть») поют с раздольной ямщицкой горемычностью.

В романсовом песенном фольклоре то и дело наблюдаются случаи, когда мелодия во многих отношениях — эмоциональном, эстетическом, содержательном — «перекрывает» бытующий в народе текст, из-за чего он под влиянием мотива превращается в нечто себе неадекватное. В конце позапрошлого века в «слезливом» репертуаре присутствует романс с начальным куплетом «Ой ты, мать моя родная, зачем меня ты родила? Судьбой несчастной наградила: рано замуж отдала!» В альбомах сучанских школьниц в 1950-е годы в этом романсе появились матросские и солдатские переделки (Судьбой несчастной наградила: костюм матроса мне дала», «мундир солдата мне дала»). В какой-то социально острый момент (скорее всего, во время первой русской революции 1905 г.) гитарные тексты поются в ускоренном темпе. Первоначальный текст упомянутого романса от лица невесты, рано выданной замуж за нелюбимого, тоже ускоряется в исполнении. В результате звучал любовный романс с наступательным акцентом строевой песни. В рифмованную жалобу девушки вклиниваются куплеты с тираном-папой, который ставит дочь под венец с постылым. Девица позволяет себе отважный жест: «Я священнику сказала: перестань ты нас венчать!» Поп, которому по штату полагается поддерживать родителя, вдруг становится на сторону жертвы: «Раз невеста не согласна...» И тут в вариант бывшего «слезливого» врываются строки, не имеющие к нему ни малейшего отношения. Девицкий плач оборачивается угрозой, чтобы затем в годы гражданской войны породить бунтарские тексты, вошедшие в партизанский репертуар.

Говоря о социальном развитии местных славянских городских романсов, надо разделить их на две большие группы: романс пассивный и романс активный. Пассивный, предреволюционных времен, безысходен по содержанию, его психологическое состояние нацелено вниз. «Бойтесь вы, девы невинные, бойтесь коварных мужчин: они надсмеются над вами и вас доведут до могил!» —

предупреждает романс. И пошла-поехала целая цепочка «гробовых» строк. Женщине, зависимой, угнетенной, утратившей веру в любовь, ничего не остается, как с моста да в воду. И вот звучит:

— Листья уныло шумели
Поздней осенней порой.
Гроб опустили в могилу,
Гроб озарен был луной.

Безумно тебя я любила,
Любила, дышала тобой,
Весь мир чрез тебя позабыла —
И что же ты сделал со мной!

... Грядет первая мировая, подспеет Октябрьская революция, и обыватель, ею мобилизованный и призванный разрушить старый мир, запоет, смеясь, вчерашние модные «гробовые» на развеселые ухарские мелодии, а «жестокый», сделавшись карикатурой на себя, выйдет из обихода.

В активном слое городского ромansa начинают просматриваться если не знамена, то по крайней мере вспышки борьбы за свободу. Романс этот вызывающе антимужской, авторы зовут оскорбленных и униженных дев и дам к топору, реализует себя молодой и скандальный феминизм, стремительно проникающий в «низы». Из альбома девицы 20-х прошлого века:

Пускай они тебе клянутся,
Грозь спустить в себя курок,
Пускай на части разорвутся —
Не верь мужчинам, мой дружок!

На видоизмененный мотив «Разлуки» распевается романс с зачином «Вот входит милый в залу», где он и она учиняют друг другу нелицеприятные разборки с пародийным выводом в финале:

Мужчины — все скотины,
Коварная братва:
Вы любите словами,
А сердцем — никогда.

В обиходе распространяются тексты от лица женского «дна» времен нэпа:

Не судите меня, дорогие,
Не судите меня за разврат:
Слишком бедные были родные,
А деньги пошли на наряд.

Поверишь ли, маменька, да или нет,
Я телом своим торговала!

В качестве исполнителей как бы видятся герои романов Льва Толстого и Федора Достоевского. Для Катюши Масловой, наверное, подошел бы такой текст:

А у церкви звоны звонят:
Милый мой венчается.
Ой, злодейка, дай отравы:
Моя жизнь кончается!

Я злодейку ту зарежу,
Я убийство совершу,
А сама ж я, молодая,
В Сибирь-каторгу пойду.

По Сибири я гуляю,
Наказание терплю.
Тебя, милый, вспоминаю,
А злодейку все кляню.

В социалистической действительности городской романс доконала пародия. На мотив «Розовой розы» («Разлуки») в столичных вузах ближе к тридцатым годам XX в. студенты запели про страсти свиарки и некоего скотника:

Помнишь, Акулька, мгновенье,
Первые несколько слов,
Первое наше свиданье,
Первый намек на любовь?

Свиньям ты пойло носила,
Чистил я скотный сарай,
Ты мне на ногу ступила,
Будто совсем невзначай.

Я тебя, дуру, лопатой
Молча огрел по спине.
Вскрикнувши «Черт полосатый!»,
Ты улыбнулась мне.

Этот вариант доставлен в Приморье переселенцами из Белгородской области. Были девальвированные тексты «Розы» и до этого — типа «Маруся отравилась, ее в больницу повезли». Где-то в послевоенные годы я вдруг услышала в южноприморской провинции от школьников: «Маруся отравилась соленым огурцом, картошкой подавилась...» Весомо и зримо работает модель развития городского романса: эстрадный вариант — фольклорный — пародия.

Существовали ли (применительно к теме моего исследования) партизанские романсы? Участники гражданской войны относились к фольклорному романсу с должным уважением, рабоче-крестьянская среда вовсе не чуралась «мелкобуржуазных» произведений, они были тогда на порядок моднее традиционно народных песен. Ходовая в начале века песня с зачином «Не цыганский шумный табор» сделалась основой длинной баллады, где сын-боец рассказывает отцу-командиру о расправе интервентов над деревней. Вещь до отказа насыщена натуралистическими подробностями и обильными слезами и пелась, естественно, не в боевом строю, а на досуге под гитару с бантом.

Впрочем, во избежание обвинений в политически неправильной трактовке партизанской психологии я в своей несостоявшейся диссертации осторожно обозвала этот типичный городской, жестокий и слезливый — три в одном! — романс русской народной песней.

Сейчас — этого трудно не заметить! — массовый интерес к старинному городскому романсу набирает темпы. Срабатывает биологический феномен смены поколений: в силу особенностей нашего движения по кругу с выходящими на спираль бесконечности витками духовные регалии прошлого через 80—100 лет всякий раз обретают трепетную привлекательность. Романс в моде, фольклорный — особенно, уже хотя бы потому, что почти ускользнул в недра истории вместе с исполнителями.

SUMMARY. Journalist Eleonora Bondareva published the article about a folk-town romance of the first quarter of the 20th century. The article tells about the variants of this romance, about different attitude to it in the society in different periods of the Russian history, about popular performers — creators of the romance as a genre.